

РОССИЯ И ЗАПАД В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В.Ф. ОДОЕВСКОГО

Аннотация

Статья посвящена творчеству Владимира Фёдоровича Одоевского (1803–1869). Показано, что Одоевский одним из первых поставил и попытался решить проблему отношения России к Европе, ставшей центральной в социально-политической мысли России первой половины XIX в., ему принадлежит приоритет в формулировке идеи русского национального мессианизма. Обоснован вывод о том, что критика западной культуры Одоевским, его идеи о всечеловеческом братстве, достигаемом на пути прогресса мирового духа, эстафета которого передается от одного народа к другому; о том, что в этом общем движении Запад выполнил свое великое дело, и это означает начало его конца; об историческом преимуществе отставших, «свежих», «неисторических» народов, к которым с полным правом может быть отнесен славянский народ — русские. Все это получило дальнейшее развитие в русской мысли и прочно вошло в социально-политический дискурс русских консерваторов-хранителей.

Ключевые слова: В.Ф. Одоевский, Россия, мессианство, «гнилой Запад», «хранительство».

Авторы

Ширинянец Александр Андреевич

Доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории
социально-политических учений
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Кононенко Олег Сергеевич

Студент факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Всем известно выражение «гнилой Запад». Его часто приписывают С.П. Шевырёву [21. — С. 11]. Дело в том, что фразу Шевырёва о прежде «веселом, забавном, простодушном французском водевиле», теперь «смеющимся сквозь слезы и плачущем сквозь смех», изменение характера которого стало яркой иллюстрацией «сокрушения» внутреннего бытия французской нации, пораженной недугом старости, нации, в которой коренное, природное чувство веселья оказалось «заедено

злым червем, растущим из болезненного гниения жизни» [20. — С. 266–267], — его противники во главе с В.Г. Белинским¹, а вслед за ними многие

¹ У Шевырёва в работе «Взгляд русского на современное образование Европы» выражения «гнилой Запад» мы не найдем. Как ни странно, его сформулировал, полемизируя со славянофилами, сам В.Г. Белинский, в ироническом контексте упомянув о «людях гниющего Запада», о «познаниях гнилого Запада», о том, что «Запад гниет», в неподписанной им статье, посвященной повести В.А. Соллогуба «Тарантас» [9].

ученые-исследователи (А. Валицкий и др. [см.: 12. — С. 30]) развернули во всеобъемлющую формулу «гнилой Запад», которую якобы изобрел и пропагандировал Шевырёв. В ряде случаев, по воле таких интерпретаторов, Шевырёв удостоивался упоминания в истории русской общественной мысли именно и только лишь как автор «теории-афоризма» о гниющем Западе [см. напр.: 1. — С. 77]. Но известно, что в своих рассуждениях о нравственном кризисе Европы, о тяжелой болезни западного мира он не был оригинальным. Задолго до Шевырёва подобные исторические ощущения «гниения», навеянные западной жизнью и литературой, высказывали многие мыслители. Об этом хорошо сказал П.Б. Струве: «Идея эта, как достояние русской мысли, конечно, не принадлежит никакому отдельному лицу. Но... она и не есть вовсе, как идея, достояние только русской мысли» [13. — С. 247].

Одним из таких мыслителей, рассуждавших о болезнях Западной Европы, о великой миссии России в мире, призванной спасти умирающий западный мир, был Владимир Фёдорович Одоевский (1803–1869) — князь, русский общественный деятель, писатель, философ, музыкальный и литературный критик, популяризатор научных знаний, действительный статский советник (1845), сенатор (1861).

Родился он в Москве в семье аристократа из рода Рюриковичей — Фёдора Сергеевича Одоевского и простолюдники Екатерины Алексеевны Филипповой. После смерти отца в 1808 г. воспитывался родственниками. В 1816–1821 гг. обучался в Московском университетском благородном пансионе, вошел в число 60 лучших выпускников, чьи имена были золотыми буквами запечатлены на доске, висевшей в актовом зале пансиона. В начале 1820-х гг. посещал заседания Вольного общества любителей российской словесности, затем вошел в круг «архивных юношей»

(выражение А.С. Пушкина). Именно эти молодые люди сформировали два кружка или общества: одно — литературное, открытое под председательством С.Е. Раича (Амфитеатрова), в него, наряду с В.Ф. Одоевским, вошли А.Н. Муравьев, Д.П. Ознобишин, М.П. Погодин, Н.В. Путята, В.П. Титов, Ф.И. Тютчев, С.П. Шевырёв и др., другое — философское, членами которого являлись В.Ф. Одоевский, И.В. Киреевский, Д.В. Веневитинов, Н.М. Рожалин и А.И. Кошелев. Этот кружок «философов» получил название «Общество любомудрия», Одоевский стал его председателем. На своих собраниях «любомудры» читали и обсуждали труды немецких философов: Канта, Окена, Фихте, Шеллинга, а также свои собственные сочинения, обменивались мнениями. По поводу этих встреч один из «любомудров» А.И. Кошелев писал: «Начала, на которых должны быть основаны всякие человеческие знания, составляли преимущественный предмет наших бесед; христианское учение казалось нам пригодным только для народных масс, а не для нас, любомудров. Мы особенно высоко ценили Спинозу, и его творения мы считали много выше Евангелия и других священных писаний» [5. — С. 18]. После 14 декабря 1825 г. Одоевский в торжественной обстановке сжег в камине устав общества и протоколы заседаний, однако после этого самороспуска бывшие члены кружка продолжали собираться вместе.

В 1826 г. Одоевский переехал в Петербург, женился на фрейлине императрицы О.С. Ланской, поступил на службу в Цензурный комитет Министерства внутренних дел. Когда комитет перешел в ведение Министерства народного просвещения, Одоевский продолжил службу в должности библиотекаря, одновременно занимал должности в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий (1828–1838), члена-сотрудника комитета редакции Журнала Министерства внутренних

дел, работал в Министерстве государственных имуществ (с 1833), во II Отделении Собственной Его Величества Канцелярии (1840–1846). В 1846 г. его назначили помощником директора Императорской публичной библиотеки и заведующим Румянцевским музеем (в Санкт-Петербурге). После перевода музея в Москву в 1861 г. оставил должность заведующего музеем и был назначен сенатором в Московские департаменты Правительствующего Сената, сначала в 6-м (с 1861), затем в 8-м департаменте (с 1864), где и прослужил председателем до самой смерти.

На государственной службе Одоевский находился более 40 лет, сочетая ее с активной общественной деятельностью. В 1830–1840 гг. Одоевские организовали у себя салон, где еженедельно собирался цвет петербургского литературного круга «без различия сословий и званий» (И.И. Панаев). Одоевский много сил тратил на благотворительность, входил в круг Великой княгини Елены Павловны, принимал участие в учреждении и управлении Максимилиановской лечебницы — первой в России поликлиникой, Елизаветинской детской больницы и Крестовоздвиженской общиной сестер милосердия, в 1846 г. создал и 9 лет руководил Обществом посещения бедных просителей в Санкт-Петербурге. Избирался гласным (депутатом) Санкт-Петербургской общей Городской думы. Одоевский выступил членом-учредителем Императорского Русского географического общества (1845), Общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее (1864), участвовал в организации Русского музыкального общества (1859), Санкт-Петербургской (1862) и Московской (1866) консерваторий, Артистического кружка — общественной художественной организации, объединявшей работников различных видов искусств, в деятельности Славянского (1867) и подготовке Археологического (1869) съездов в Москве, был почетным

членом Русского музыкального и Санкт-Петербургского филармонического общества и др.

Одоевский представлял собой редкий тип универсального человека-энциклопедиста. Он не только хорошо разбирался в юриспруденции, в библиотечном деле, увлекался науками — гуманитарными и естественными, в особенности математикой, физикой и химией, экспериментировал, но также был замечательным музыкантом и музыковедом — автором работ о русских и зарубежных композиторах и исполнителях, о русской народной музыке, древнерусском церковном пении. Одоевский известен и как беллетрист, издатель и редактор. Его произведения печатались практически во всех крупных журналах его времени: «Вестнике Европы», «Современнике», «Сыне Отечества», «Библиотеке для чтения», «Отечественных записках» и др., выходили отдельными изданиями. В 1824–1825 гг. вместе с В.К. Кюхельбекером он издавал литературный альманах «Мнемозина», который должен был, главным образом, ознакомить русскую публику с плодами немецкой цивилизации, в противовес увлечению французскими теоретиками. В 1834 и 1835 гг. — альманах «Детские книжки для воскресных дней». В 1835 г. вошел в редакционный комитет Журнала Министерства внутренних дел. В 1837 г. после смерти А.С. Пушкина выступил одним из редакторов журнала «Современник». В 1840-е гг. вместе с А.П. Заблоцким-Десятовским выпустил в свет четыре книжки альманаха «Сельское чтение» (1843–1848), рассчитанные на простонародную аудиторию и получившие признание читателей (первая книжка за 20 лет, до 1864 г., выдержала 12 переизданий). Но главное место в его жизни все же заняла литература.

Литературное творчество Одоевского многогранно. Он писал новеллы и музыковедческие эссе, рассказы-притчи и светские повести, фантастические

сказки и утопии. Его литературная деятельность началась еще во время пребывания в Благородном пансионе: в 1820 г. в пансионском сборнике «Каллиопа» (ч. IV) был напечатан его прозаический перевод «Отрывок из Лабрюэра». Первыми серьезными публикациями Одоевского стали переводы с немецкого в журнале «Вестник Европы», вышедшие в 1821 г., а известность начинающему автору принесли опубликованные в 1822–1823 гг. в том же «Вестнике Европы» прозаические «Письма к Лужницкому старцу». Расцвет литературного творчества Одоевского пришелся на 1830 — начало 1840-х гг. В 1830 г. Одоевский опубликовал новеллу «Последний квартет Бетховена», от которой А.С. Пушкин пришел в восторг; в 1831 г. — «Opere del cavaliere Giambattista Piranesi»; в 1833 г. увидели свет «Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринею Модестовичем Гомозейкою»; в 1834 г. отдельно опубликован «Городок в табакерке» — одна из лучших во всей мировой словесности литературных сказок; в 1835 г. издана светская повесть «Княжна Зизи», была начата утопия «4338-й год»; в 1837 г. вышла «гофманианская» повесть «Сильфида»; в 1838 г. — «Сказки и повести для детей дедушки Ириней», ставшие хрестоматийным детским чтением; в 1839 г. — рассказ «Город без имени», в котором развенчивались буржуазные принципы пользы и выгоды; в 1840 г. — фантастическая повесть «Косморама». Эти и многие другие произведения Одоевского принесли ему успех и заслуженную славу выдающегося русского писателя.

Главное место среди сочинений Одоевского занимает философский роман «Русские ночи», который был завершен к 1843 г. и издан в 1844 г. в составе трех томов «Сочинений князя В.Ф. Одоевского». Здесь впервые в русской историографии была представлена систематическая критика западной

культуры, и с особой силой прозвучало утверждение об особом призвании России в мире. Одоевский сформулировал ряд положений, получивших развитие в социально-политической мысли России: идею всечеловеческого братства, достигаемого на пути прогресса мирового духа, эстафета которого передается от одного народа к другому; мысль о том, что в этом общем движении Запад выполнил свое великое дело, и это означает начало его конца; тезис об историческом преимуществе оставших, «свежих», «неисторических» народов, к которым с полным правом может быть отнесен славянский народ — русские. Квинтэссенция концепции национального мессианизма Одоевского сводится к утверждению о том, что «девятнадцатый век принадлежит России!», а особое призвание России — служить звеном между Западом и Востоком, между веком минувшим и настоящим.

* * *

В первой половине 1820-х гг. Одоевский стал ключевой фигурой круга шеллингианской молодежи, получившего название «любомудров». Из этого круга вышли как основоположники собственно славянофильского движения — И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, А.И. Кошелев, так и идеологи «официальной народности» — М.П. Погодин, С.П. Шевырёв, а также «русский европеец» Ф.И. Тютчев, развивавшие концепции национальной самобытности России.

Именно Одоевскому принадлежит приоритет в формулировке идеи национального мессианизма. В начале 1830-х гг. Одоевский высказал мысли, которые соотносятся с идеями П.Я. Чаадаева, содержащимися в его знаменитом философическом письме, опубликованном в 1836 г., однако совершенно им противоположны. Уничтожению России и ее истории Одоевский,

«не имея почти никакого понятия о мыслях» Чаадаева¹, противопоставил оптимистический взгляд на настоящее и будущее страны, заявив, что «девятнадцатый век принадлежит России!» [7. — С. 183].

Одоевскому претили принципы пользы и выгоды отдельной личности, положенные в основу буржуазного общества, и разрушающие его эгалитаризм и революционность республиканского Запада, ведущие к угнетению и варварству [см.: 7. — С. 145]. С особой силой неприятие буржуазного утилитаризма прозвучало в рассказе «Город без имени», который был впервые опубликован в журнале «Современник» в 1839 г. и затем вошел в роман, составив его «Ночь пятаю». Одоевский здесь развернул полемику с родоначальником утилитаризма И. Бентамом. На примере жизни государства, руководствовавшегося принципом пользы как своим «первым и последним законом» [7. — С. 63], он показывает, к чему может привести жизнь на основе строгого прагматизма. Вырождение, подмена понятий, голод, братоубийство — это лишь неполный список напастей, грозящих «бентамитам», последователям Бентама. Одоевский изложил теорию пользы Бентама в упрощенном, утрированном виде, но для него важны были не детали этой теории, но «ложные основания и... опасные последствия,

к которым ведет реализация на практике» [6. — С. 272]. Апокалипсический взгляд Одоевского на «искусственную жизнь, составленную из купеческих оборотов» [7. — С. 70], убеждает читателя в обреченности западного мира. Время обгоняет старую, одряхлевшую Европу, считает Одоевский. «Запад гибнет», на Западе «все опровергнуто, все поругано, все осмеяно: нет жизни в науке, нет святыни в искусстве!.. Западный храм — политическая арена; его религиозное чувство — условный знак мелких партий. Религиозное чувство истории выступает русский народ, долженствующий указать путь, с которого совратилось человечество, и занять первое место между народами.

У русского народа вполне достаточно для этого оснований. Главное — присущая ему «стихия всеобщности», проявляющаяся в различных сферах. Это и историческая жизнь России, для которой характерна не междоусобная борьба между властью и народом, но чувство любви и единства; это и российские законы, созданные не искусственно, или привнесенные извне, а медленно, веками рождавшиеся на родной почве; это и коллективизм русского народа, верящего в счастье не большинства, а счастье всех и каждого, это и православная религия, возвышающаяся над отрицающими друг друга папизмом и протестантизмом, и объединяющая народ; это и всеобъемлющая многосторонность духа русского народа, проявляющаяся в науке, литературе, поэзии, музыке; это, наконец, и успехи русского оружия. «Много царств улеглось на широкой груди орла русского! В годину страха и смерти один русский меч рассек узел, связывавший трепетную Европу, — и блеск русского меча донныне грозно светится посреди мрачного хаоса старого мира... Все явления природы суть символы одно другому: Европа назвала русского *избавителем*, в этом имени таится другое,

¹ 17 ноября 1836 г. Одоевский писал С.П. Шевырëву, откликаясь на выход в свет философического письма Чаадаева: «Как мне жаль, что я не успел прежде окончить печатание моего Дома Сумасшедших; два года тому назад, не имея почти никакого понятия о мыслях Ч., я написал эпилог, заключающий книгу и как будто нарочно совершенно противоположный статье Ч.; то, что он говорит об России, я говорю об Европе и наоборот. Ты знаешь мою мысль, о которой я намекнул мимоходом в Введении к Дому Сум. (смотри в Библиографии для Чтения: "Кто сумасшедший") и в "Русских Ночах" о том, что Россия должна такое же действие произвести на ученый мир, как некогда открытие новой части света, и спасти издыхающую в Европейском рубище науку...» [3. — С. 57].

еще высшее звание, которого могущество должно проникнуть все сферы общественной жизни: не одно *тело* должны спасти мы — но и *душу* Европы!

Мы поставлены на рубеже двух миров: протекшего и будущего; мы новы и свежи; мы непричастны преступлениям старой Европы; пред нами разыгрывается ее странная, таинственная драма, которой разгадка, может быть, таится в глубине русского духа; мы — только свидетели; мы равнодушны, ибо уже привыкли к этому странному зрелищу; мы беспристрастны, ибо часто можем предугадать развязку, ибо часто узнаем пародию вместе с трагедией...

Велико наше звание и труден подвиг! Всё должны оживить мы! Наш дух вписать в историю ума человеческого, как имя наше вписано на скрижалях победы. Другая, высшая победа — победа науки, искусства и веры — ожидает нас на развалинах дряхлой Европы» [7. — С. 148].

Вполне осознавая непрянь Запада к России, его страх перед «славянским духом», Одоевский призывает европейцев отринуть эти чувства: «Не бойтесь, братья по человечеству! Нет разрушительных стихий в славянском Востоке — узнайте его, и вы в том уверитесь; вы найдете у нас частию ваши же силы, сохраненные и умноженные, вы найдете и наши собственные силы, вам неизвестные, и которые не оскудеют от раздела с вами» [7. — С. 182].

Идеальный мир будущего Одоевский представил в своем незаконченном утопическом романе «4338-й год», по сюжету которого перед глазами китайского студента предстает технологически развитая Россия 44-го столетия, которая расширилась до размеров целого полушария [см.: 8. — С. 419–420]. Одоевский подчеркивает принципиальный момент: Запад уже далеко «позади», Россия территориально расширилась за счет него¹. Несмотря

на то, что, по мнению историка русской литературы и философии П.Н. Сакулина, политическая организация России будущего в этом романе «задумана в чисто русском стиле» [11. — С. 203–204], да и сама «Россия 44-го столетия ничем существенным не разнится от России 30-х годов XIX века» [11. — С. 205], этот роман наглядно демонстрирует нам, каким будет мир, когда Россия исполнит свое предназначение. **Россия в 44-м столетии — мировой лидер, у которого учится еще один «молодой», «свежий» народ — китайцы. При этом для того, чтобы выполнить свою историческую миссию и стать спасением для человечества, Россия сама должна сделать выбор в пользу просвещения и научно-технического прогресса. Только это позволит России исполнить свое предназначение и спасти «одряхлевшую Европу», «гнилой Запад». Только так у человечества появится альтернатива: спастись с Россией или погибнуть с Западом².**

* * *

Творчество Одоевского сыграло заметную роль в развитии русской мысли и общественного самосознания XIX в. Одоевский одним из первых поставил и попытался решить проблему отношения России к Европе, ставшей центральной в отечественной соци-

---

раскрыты, но в тексте романа присутствует такая заметка: «Англичане продают свои острова с публичного торга, Россия покупает». Возможно, Одоевский хотел описать историю территориального приращения России позже, что кажется весьма вероятным, учитывая замысел Одоевского создать трилогию, в которой «4338-й год» — последняя часть [см.: 4. — С. 289–290].

² Историк, исследователь творчества Одоевского В.С. Виргинский описывал этот выбор так: «По мнению Одоевского, перед человечеством стоит альтернатива: либо построение царства просвещения во главе с Россией, основанного на общественной пользе и развитии благородных сторон человеческого духа, либо путь, исходящий из личной пользы, приводящий к одиночеству и гибели культуры» [2. — С. 204].

¹ Подробности, касающиеся расширения территории России, в неоконченной утопии не

ально-политической мысли первой половины XIX в., пожалуй, впервые в русской историографии в систематизированном виде разработал вопрос об особом призвании России в мире. Критика западной культуры Одоевским, его идеи о всечеловеческом братстве, достигаемом на пути прогресса мирового духа, эстафета которого передается от одного народа к другому; о том, что в этом общем движении Запад выполнил свое великое дело, и это означает начало его конца; об историческом преимуществе отставших, «свежих», «неисторических» народов, к которым с полным правом может быть отнесен славянский народ — русские, — все это получило дальнейшее развитие в русской мысли и прочно вошло в со-

циально-политический дискурс русских консерваторов-хранителей¹.

¹ Хранительство шире политического консерватизма, так как включает идею патриотизма, защиты традиционных ценностей и традиционной духовности, национального исторического опыта, национальной культуры, языка, веры. У каждой страны имеются свои патриоты-хранители, приверженцы идеи сохранения исторических начал общества и государства. Они и есть консерваторы-хранители — противники радикализма и революционности. Ведь истинный консерватизм, с одной стороны, исключает возможность отрицания существующего общественного строя и, с другой, не приемлет реакционных порывов и вождельний, направленных на возрождение прошлого [см.: 10. — С. 71]. Концепция «хранительного» направления русской социально-политической мысли реализована в антологии «Хранители России» [14; 15; 16; 17; 18; 19].

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М., 1990. — С. 43–271.
2. Виргинский В.С. В.Ф. Одоевский как социолог и утопист // Вопросы истории. — 1970. — № 2. — С. 196–204.
3. Из бумаг Степана Петровича Шевырёва // Русский архив. — 1878. — Кн. 2. — Вып. 5. — С. 49–89.
4. Кононенко О.С. Социально-политические идеи кн. В.Ф. Одоевского в фантастическом романе «4338-й год» // SCHOLA-2017: Политическая текстология и история идей / Под ред. А. Ю. Шутова, А. А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин; подг. текстов А.В. Мырикова, А.Б. Страхов. — М.: Издательство Московского университета, 2017. — С. 289–292.
5. Кошелёв А.И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями / Издание подготовила Т.Ф. Пирожкова. — М.: Наука, 2002.
6. Маймин Е.А. Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // Одоевский В.Ф. Русские ночи. — Л.: Наука, 1975.
7. Одоевский В.Ф. Русские ночи. — Л., 1975.
8. Одоевский В.Ф. 4338-й год // Одоевский В.Ф. Повести и рассказы. — М.: ГИХЛ, 1959. — С. 416–448.
9. Отечественные записки. — 1845. — Т. XL. — № 6. — Отд. V. — С. 29–62.
10. Перевезенцев С.В., Ширинянец А.А. В поисках самобытности. Об истоках отечественного национал-консервативного дискурса // Тетради по консерватизму. — 2018. — С. 61–73.
11. Сакулин П.Н. Русская Икарция // Современник. — 1912. — Кн. 12. — С. 193–206.
12. Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого: Реферат. сб. / Сост. К.В. Душенко. — М., 1991. — Вып. 1. — 191 с.
13. Струве П.Б. С.П. Шевырёв и западные внушения и источники теории-афоризма о «гнилом», или «гниющем» Западе. Изыскания, сопоставления и материалы // Записки русского научного института в Белграде. — Вып. 16–17. — Белград, 1941. — С. 201–263.
14. Хранители России. Антология. Т. I. Истоки русской консервативной мысли. XI–XVII вв. / Под ред. С.В. Перевезенцева. Авт.-сост.: Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, А.А. Ширинянец. Подг. текстов А.А. Горохов, О.Е. Пучнина, А.С. Хелик, А.Б. Страхов, Д.А. Ананьев. — М., 2015. — 735 с.
15. Хранители России. Антология. Т. 2. В поисках нового... консерватизма / Под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. Авт.-сост. Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев,

- А.А. Ширинянец. Подг. текстов: А.А. Горохов, О.Е. Пучнина, А.С. Хелик, А.Б. Страхов, Д.А. Ананьев. — М., 2015. — 935 с.
16. Хранители России. Антология. Т. 3. Рождение русского консерватизма. 1800–1850 гг. / Под ред. А.Ю. Минакова, С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. Авт.-сост. Д.А. Ананьев, Т.И. Дайн, Ю.Е. Кондаков, Н.Н. Лупарева, А.О. Мещерякова, А.Ю. Минаков, Р.В. Михайлов, В.С. Парсамов, С.В. Перевезенцев, А.Б. Страхов, И.Р. Федий, С.В. Хатунцев, А.С. Хелик, А.А. Ширинянец. — М., 2016. — 1096 с.
  17. Хранители России. Антология. Т. 4. В поисках русского пути. 1800–1850 гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. Авт.-сост. А.С. Абрамян, Д.А. Ананьев, А.А. Горохов, Т.И. Дайн, Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, А.Б. Страхов, А.С. Хелик, А.А. Ширинянец. — М., 2016. — 1136 с.
  18. Хранители России. Антология. Т. 5. Обретенная Россия. 1840-е — начало 1860-х гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. Авт.-сост. А.С. Абрамян, Д.А. Ананьев, В.А. Болдин, Т.И. Дайн, Д.Ю. Кухарский, А.З. Маргушева, Р.В. Михайлов, А.В. Мырикова, С.В. Перевезенцев, В.А. Соболев, А.Б. Страхов, А.А. Ширинянец. — М., 2018. — 952 с.
  19. Хранители России. Антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е — начало 1860-х гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. Авт.-сост. А.С. Абрамян, Д.А. Ананьев, К.А. Горшкова, Т.И. Дайн, О.С. Кононенко, М.А. Лагузова, Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, В.А. Соболев, А.Б. Страхов, А.А. Ширинянец. — М., 2018. — 1174 с.
  20. Шевырёв С.П. Взгляд русского на современное образование Европы // Москвитянин. — 1841. — Ч. 1. — № 1. — С. 219–296.
  21. Ширинянец А.А. С.П. Шевырёв в истории социально-политической мысли России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. — Т. 7. — 2011. — № 1. — С. 5–16.